

е обладал ни одним из перевесов — возраст или таланта, я не вправе представлять вам Андрея Битова. Вот лишь краткая история моего знакомства с его текстами и самим автором. В 67-м или 68-м году ныне покойный Борис Чичибабин произнес в моем присутствии фразу: «Какая поэтическая проза — «Уроки Армении»! Ты читал Битова?» Подталкиваемый молчаливым упреком поэта, я в ближайшие дни «достал» Битова, прочитал, и с тех пор он — на одном из первых мест в ряду перечитываемых мною авторов. А когда он переехал из Ленинграда в Москву, хотя по сей день считает себя петербуржцем и питерским писателем, мы познакомились. Не могу сказать, что дружили, но встречались довольно часто, вследствие чего «пустое Вы» вскоре заменили «сердечным ты». Это и отводит от меня подозрения в амикишности.

— Андрей, накануне отъезда в Соединенные Штаты я получил первый том твоего трехтомника. Почему не вышли два остальных тома?

— У нас многие привыкли думать или жить пятилетками. В 91-м году пятилетка возможностей кончилась. Не надо так свободно вздыхать после советской власти. Она, во-первых, осталась абсолютно в каждом из нас — в формах, которые мы не узнаем или не хотим узнавать. Во-вторых, в 85-м пришел Горбачев, объявил гласность, и до 91-го года лафа советской жизни распространилась на тех, на кого она не распространялась: вот этим было нельзя, теперь этим можно. В 91-м году пришли более крутые обстоятельства: упала советская власть, но ПОСЛЕ советской власти у меня не вышло ни одной книги — три или четыре НЕ ВЫШЛО. Не вышло закономерно: отпустили цены на бумагу, полопались государственные издательства, в том числе «Молодая гвардия» — она выпускала трехтомник...

Я нашел в своем доме том Сталина. А в «Молодой гвардии» остались, как называет их Юз Олешковский, «материалы Политбюро» — от лидеров партии остался материал на переплет — красный такой (он-то и пошел на переплет первого тома Битова. — В.Н.). Я поставил его рядом со Сталиным, так он и стоит — видишь, до чего дошли амбиции. Никогда не надо заигрывать писателю даже с тенью великого вождя — после этого первым томом и ограничилось мое тщеславие. (Смеется.)

— Мне очень пришлось по душе твои комментарии к первому тому. В них дышит время, виден автор. Не собираешься ли ты написать книгу воспоминаний?

— А может, у меня все книги мои — воспоминания в каком-то смысле. Я сейчас пытаюсь пробить перевод книги своих эссе — это довольно трудно. Эссе — неприятное слово, но я его по привычке употребляю. Кстати, спасибо, ты мне подсказал про этот комментарий — я его туда включу как отдельное сочинение. Иностранные издатели неохотно идут на это, но я считаю, что я заработал, заслужил такую книгу. Она немножко напоминает книгу мемуаров, то есть я решил, чтобы внутренняя линия была более биографична, «проредить» эссе биографичными, исповедальными вещами.

В этой книге — «Шаг влево, шаг вправо — считается Россия. Дневник единокорца» — четыре раздела: «Оттепель», «Застой», «Битва» и «Перестройка». Все получилось органично — по-моему, я нашел состав. Ну, вот, значит, и все проблемы. Кстати, ничего особенно в России не изменилось, изменился страх. И за то, что ТОГО страха не стало, можно грызть сухари. Но за то, что ТОГО страха не стало, надо расплачиваться.

Были пять лет процветания, благосостояния для меня — даже русские деньги еще были, я их получал. С тех пор, после советской власти, я с литературы ничего не имею. Если я и делаю что-то ТАМ, то стараюсь делать за свой счет — инвестирую собственные труды, полагая, что я все-таки, как ни есть, русский писатель и имею право ТАМ быть. То есть я хочу сказать, что пять лет эйфории гласности были продолжением советской власти наоборот, когда распределялось то, что раньше не распределялось.

Ну, допустим, насчет Переделкино. Конечно, никогда в жизни я бы дали там не имел, но тут был такой испуг структур, что они дали. Дали мне отца и Волкову — мы оказались визави. (Олег Волков — писатель, около трети века прошедший на сталинской каторге, автор книги воспоминаний «Погружение во тьму». — В.Н.) Одному дали за то, что писал, другому — за то, что сидел. Дай Бог ему здоровья — он сломал год назад ногу и мается. Ем 95 лет. Я люблю этого человека, вобщем, как отца...

Почему-то от советского у нас осталась форма жаловаться. И всегда: «Раньше было лучше», всегда плач по предыдущему царю. Поэтому, я думаю, стагнация, застой, не самое плохое состояние для России. Вот сейчас, например, времена, безусловно, застойные, но уже в другой форме. И надо думать, что этот застой нужен. В застой люди отстаиваются и сами. Они очень изменились, вдохнули свободу и вряд ли ее отдадут...

Жаловаться не надо. Прежние пять лет были ПРОДОЛЖЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, НАКОПЛЕННЫХ, иначе отданных, отчасти отданных людям. Под прикрытием запрета на алкоголь — разрешение говорить; какая-то такая каша — живая достоянно. Сейчас надо отвечать самому, придумывать, как быть — это уже ТОЖЕ недостаток времени.

— Самая большая твоя вещь — роман «Пушкинский дом» — написана в шестидесятых годах. Потом ты, по словам Василия Аксенова, «ушел, к сожалению, в эссеистику». Я тоже один из тех, кто ждет твоего нового романа...

— Во-первых, я пишу сейчас роман, в эту минуту даже. Потому что я должен привезти вторую главу романа, который печатает наш советский «Плэйбой». Первую главу я сдал, должен сдать и вторую, чтобы не обмануть читателя. Это будет маленький роман, составная часть «Преподавателя симметрии». А в принципе я пишу книги очень долгосрочные — это родилось при советской власти, когда никто не торопил, и можно было подолгу НЕ писать. Книга пишется к книге, и они собираются в толстые тома, на самом деле это не сложно, а изначально задумано ТАК. И если сложить время, затраченное на каждую книгу, как будто они написаны последовательно, получится 200 лет, а это не так, а одно в другом.

Теперь, что касается ухода в эссеистику — это соответствует духу времени гласности, и я думаю, что делал это хорошо. И делаю. И буду делать. Я пишу это прозой, и проза эта для меня очень сокровенная. ...Тогда впервые совпала возможность написать и напечатать — у нас это никогда не совпадало, то есть надо было синхронизировать мгновенья. Правда, многие просто пробовали свою возможность говорить и проходили собственные барьеры смелости: это можно сказать, это можно, и это. До тех пор, пока не уперлись в вопрос: а что же я говорю? Кончились их запасы советской власти, то есть вместо запрета мы увидели людей с пустым ртом. Я же говорю все-таки то, что я хочу сказать. Так что я неплохо отношусь к своей эссеистике. Что касается беллетристики, то я не считаю себя профессионалом. Профессионалом надо быть в одном отношении: собрать энергию и заставить себя сделать. Мне кажется, что вся русская литература, которой мы так гордимся, в основном, непрофессиональна — по разным причинам. Даже Лев Толстой, который писал как паровоз.

— Ну, а Достоевский? — Это — ложный профессионализм, хотя Достоевский больше профессионал, это точно. То есть он как бы пытался добывать себе кусок хлеба этим делом. На самом деле он себя провоцировал на взрыв энергии. Я даже не уверен, что текст состоит из слов: мне кажется, текст

за то, что искусились и обрели...

Моск. романоманс — 1996, — 10 сент. 94.

состоит, в основном, из энергии... А вот, допустим, я с огромным увлечением читал «Московскую сагу» Аксенова — не мог оторваться и понимал, какие профессиональные задачи стояли перед Василием Павловичем.

— Так ведь «Московская сага» — чисто заказной роман! Его Василию Павловичу заказало американское издательство для американского читателя.

— Да, и он себя тоже поймал — он это СДЕЛАЛ! Может быть, профессионализм — это и есть НЕ УДАРИТЬ В ГРЯЗЬ ЛИЦОМ, может быть. Взлся за работу — сделай, обещал — сделай и так далее. Не потерять форму НИ В КАКОМ СЛУЧАЕ! Иногда выгодна провокация: как бы смимикрировать из себя профессионала.

— Мне кажется, с этим понятием должно переплетаться другое: совесть писателя, не так ли?

— Мы жили роскошно: двуликий Янус абсолютной нищеты и мрака и какой-то свободы, той свободы, которая не обсуждается — как возможность. Я вспоминаю, как мы с Мишей Жванецким говорили в самые тяжелые, застойные времена, жаловались на жизнь. И он говорит: «Как ты думаешь, я не пробовал писать как ИМ нужно? Много раз пробовал. Ничего не получается!»

Был я в Израиле недавно. Из-за путешествий все время приходится сравнивать словари. Замечательное это для писателя занятие: рисовать слова на чужих пейзажах. Там же есть тема богоизбранности народа — я не возражаю, так в Книге написано. Но вообще-то говоря, про себя я возражаю: «Мы — тоже богоизбранный народ. Какой бы еще народ мог строить коммунизм? (Смеется.)

Поставьте на наше место любую другую нацию, тем более приученную к порядку, законопослушную —

кошмар. Так что не скажете — если было написано на ЧЕЛОВЕЧЕСТВО такое испытание, а не именно на Русь, то все на своих местах и мы не так уж должны растирать соли уныния по лицу. На деток смотрю — нет генетического вырождения... Ну вот, это я так в сторону ушел от твоего вопроса.

— Не беда. Я хотел бы услышать твое мнение о том, что происходит с русским языком — в связи с огромными переменами в России?

— Стала общим местом ирония над словами, хлынувшими в русский язык: ваучеры, спонсоры, маркетинг.

— Ну, русский язык во все времена пополнялся словами из других языков: немецкого, французского, английского, и я тоже не вижу здесь повода для иронии. Я имею в виду другое: блатнизацію и т.п.

— Не знаю, не уверен. По-моему, мы сами говорили на полулагерном языке, на кухне. В России не было безлагерного опыта, и как раз интеллигентные люди у

Фото Андрея ЖДАНОВА.

БИТОВ в пути. Известный русский писатель и президент российского ПЕН-клуба сейчас в Нью-Йорке. Конечно же, временно. Как гость и преподаватель Нью-Йоркского университета, где читает курс современной русской литературы.

Андрей Битов в представлении читателям не нужно. Он прозаик с мировым именем. Правда, в родной Битовой России его произведения стали публиковаться сравнительно недавно.

А до этого их перепечатывали на самиздатских машинках, до дыр зачитывали подслеповатые копии, а те, кому посчастливилось достать «Пушкинский дом», изданный в американском «Ардисе», считали себя настоящими счастливицами. И по праву: прочитать эту книгу нужно и должно. Так же, как и его другие произведения: романы, повести, рассказы — один из которых ждал своей публикации 30 лет...

живаемых — по-моему, до сих пор...

Наша организация по природе советской быть не может, но люди-то — советские. Почему-то принято считать, что антисоветский человек — это не советский человек. Очень многие привыкли так о себе думать — это была привилегия про себя думать, что ты хорош потому, что не одобряешь систему. А состояшь ты все равно из этого: из этого опыта, воздуха, жизни.

Когда я думал о преступлении, допустим, 17-го года и последующих, это уже изнашивалось — острота фактов за долготой лет. И иногда я придумывал такие метафорические ходы для того, чтобы постичь всю меру этого зла. Ну, например, ведь все, что произошло в 17-м году, было сделано людьми, рожденными, вспоенными и вскормленными в предыдущем веке. Там ни атома не было советского: молоко другое, хлеб другой, принципы другие. Эта большевистская невозможность что-либо создать очень долго была инерционной — вплоть до создания ЧК. Ведь надо было отменить Храм Божий, чтобы ЧК наполнилась силой. Следователь с вами говорил, как на исповеди. И, кстати, расскальвали, используя древний инстинкт исповеди: «Вы с нами не откровенны, товарищ Нузов!» «А какого хрена я должен быть с вами откровенен?» Это все — использование механизмов, на рожденных столетиями совершенно другой жизни. То же самое и сейчас: эксплуатация механизмов, нарощенных советской властью. Ее уже нет? Ничего подобного! Ее нет как подавляющей силы, но я видел своими глазами КГБ, переименованный в ФСК и ФСБ, на процессе поэтессы Алены Витуховской. Толпучатся, как застоявшиеся кони!

Армия, контрразведка — эти структуры всегда

есть, они должны профессионально обслуживать власть, и они ждут власти, но состоят они из старого материала. Вся подлянка, внутренняя беззаконность, ощущение себя над законом — остались. Мыслишком долго ждали — и это ожидание было простодушным, — что от свободы наступит изобилие и счастье. Но мы ее, может, и получили преждевременно? Ее надо еще и заработать, отработать задним числом. Когда говорят о Пушкине, почему-то полагают, что все после Пушкина было продолжением Пушкина. Ничего не было продолжением Пушкина — он до сих пор остался впереди! Есть вещи, данные нам в аванс, как ни странно. Включая даже жизнь. И это надо отработать.

Сколько было замечательных шуток при застое! «Они делают вид, что они нам платят, мы делаем вид, что работаем». Они теперь не делают вид, что нам платят, правда? Они нам просто не платят. (Смеется.) И вдруг возникла совершенно странная история: я наблюдаю людей, которые истинно тоскуют по работе. И то, что сейчас делается, делается людьми, никогда не принадлежавшими к коммунистическим лозунгам — наоборот, не очень одухотворенными ими, этими словами — пустыми, длинными и страшными. А делается по-коммунистически — просто потому, что надо делать.

Культура в России сейчас в этом положении. Это, очень странно: многие вещи поменялись местами — еще бы! — такая история рассосалась бы вдруг, враз! Достаточно того, что, на мой взгляд, сколько бы ни было заслуг у замечательных, героических людей внутри системы — в борьбе, в сопротивлении — все равно: она СА-МА пала. Она сама сносилась, сама кончилась. Ведь Леонид Ильич был послан — не знаю, кем там — для того, чтобы ДОНОСИТЬ систему до конца. Она свалилась, как стоптанный башмак. И теперь утверждать, что это лично чьи-то заслуги, было бы в корне неверно. Это тот самый неверный взгляд на историю, который нам привит. За это тоже надо заплатить.

Вообще, я не думаю, что все было беззубое в этой стране: рабы, которые смирились со злом, восприняли зло, — ТАКЖЕ хотели порабощать. А зачем было 50 миллионов людей губить? Почему-то думают, что такой кровосос Сталин. Но зачем 50 миллионов? Здесь (в США) достаточно уничтожить 100, чтобы все сели в страхе.

Возвращаясь к вопросу о богоизбранности. Ведь с таким злом, если считать коммунизм злом для ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, надо было еще справиться! То есть прямое противостояние власти, героическое, и просто сопротивление, экзистенция, что ли, — это разные вещи. И я думаю, за все еще надо заплатить: и за то, что искусились когда-то, и за то, что теперь обрели. Не вся заслуга нам принадлежит. Нам — я имею в виду народу. Но и не надо говорить, что никакой. Я люблю и поместил на обложку последнего издания «Оглашенных» высказывание Паскаля: «Опасно человеку слишком указывать на величие его. Но так же опасно принижать его. Еще опаснее — не давать знать ни о том, ни о другом». Здесь величие и позор, но не величие империи и позор народа, а может быть, величие народа и позор империи.

— В одной из своих вещей ты приводишь четверостишие Фета:

Не жизни жаль с ее томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и платает, уходя.

Тебя, как каждого человека вообще, писателя — в особенности, должно быть, эти вечные вопросы — жизни и смерти — волнуют?

— Я имел один опыт, когда в 94-м году смотрел смерти как бы в глаза, следовательно, что-то изменилось, да? Я понял, что продолжение я получил в аванс, в дар. Это замечательное слово — ДАР, ДАРОМ. Жизнь — это дар. Я не люблю вдаваться в такие вопросы: за что нам дана смерть — это в разных конфессиях давно обсуждено, обсуждено по-разному и решения этому нет. Но иногда так просто, так ясно, что какая-то форма вечной жизни существует. ПОРАБОЩАТЬСЯ СТРАХОМ НЕЛЬЗЯ НИКАКИМ, В ТОМ ЧИСЛЕ И СТРАХОМ СМЕРТИ. Может быть, если прожить без страха, то и смерти нет — вот такое вульгарное прочтение. Потому что люди награждаются как бы смертью тоже — кто как умирает. Мандельштам говорил:

Легкой жизни я просил у бога.
Легкой смерти надо попросить.
Вот этот и закончу свой ответ.

— Спасибо. Несколько слов о критике — о тебе сейчас ведь много пишут.

— Пишут много, но уже больше пишут исследователи; бывает очень интересно. А критику я традиционно воспринимаю нейтрально. После журнальной публикации романа «Ожидание обещан» было шесть статей. Я их взял и поместил в питерское издание романа. Потому что это такие голоса!.. Надо критику от себя отодвигать, тогда она становится интересной. Если ты ее на себя примеряешь, она не летит — вот и все. Надо сказать, ЧТО воспитывает — так это несправедливые упреки. ЧТО его погрязает в комплексах или в манию — это ожидание справедливости. Есть такое расхожее мнение: пусть будет: хуже — молчание. Для меня — не хуже...

— Последний вопрос: что бы ты пожелал нашим читателям?

— Желаю всем присутствия духа.

— Спасибо за пожелание, спасибо за интер-вью.

Беседовал Владимир НУЗОВ.
Нью-Йорк (спец. для "МК").